

ученья! Возвратите эту тетрадь, для васъ совершенно бесполезную, а для дѣла школы чрезвычайно важную... Окажитесь истинно-русскимъ человѣкомъ, будьте гражданиномъ отечества!.. Вашъ подвигъ будетъ оцѣненъ должнымъ образомъ потомствомъ, которое скажетъ, вспоминая о васъ: „вотъ былъ честный воръ!“ Если вы боитесь околоточнаго надзирателя, то можете, не рискуя собой, своимъ здоровьемъ, положить тетрадь гдѣ-нибудь въ томъ же павильонѣ и съ достоинствомъ людей, которые воруютъ, но не попадаютъ, выйти вонъ...

Однако, „кто бъ онъ былъ?“ Кому понадобилась эта вещь?.. Вопросъ, можетъ быть, интереса интеллектуальнаго, а кто-то можетъ рѣшъ на нее, какъ на материалъ для „цигарки“. Стало бытъ воръ либо человѣкъ „образованный“, либо круглый невѣжда...

Во время грозящихъ бѣдъ и несчастій люди вообще бываютъ очень эгоистичны и торопятся прежде всего спасти свою шкуру... Вчера на пожарѣ въ Канавинѣ владѣлецъ Международной гостиницы, на всѣ просьбы дать пожарный рукавъ для охраны дома, коему грозила большая и скорая опасность, — отказалъ и поливалъ свои владѣнія, коимъ особой опасности еще не грозило. Судя по названію гостиницы, г. Рудницкій — защитникъ единенія всѣхъ народовъ и слиянія ихъ въ одну братскую семью, а между тѣмъ, какъ только увидѣлъ, что шкура въ опасности, такъ бросилъ всѣ заботы о человѣчествѣ и не внялъ мольбамъ даже соотечественниковъ.

Впрочемъ на этомъ-же пожарѣ былъ и примѣръ геройства... Мальчуганъ лѣтъ 8—9, спасая училищное имущество, прежде всего схватился за передвижную азбуку...

— Петръ Матвѣичъ! Яковъ Иванычъ! — въ поыхахъ кричалъ онъ учителямъ — азбуку то куда дѣвать? азбуку?..

Всякому — свое...

Е. Валинъ.

Бѣглыя замѣтки.

Могучее, все нивелирующее время — оно разметаетъ горы въ пыль, заноситъ песками гордыя памятники фараоновъ и покрываетъ толстой корой снѣга и льда тѣ равнины, гдѣ раньше росли пальмы и гигантскіе папоротники. Оно сплотило бродячія шайки авантюристовъ въ мощныя государства, уничтожило безслѣдно цѣлыя націи, оно все измѣняетъ, вѣчно творитъ и уничтожаетъ, и только вкусы людей остаются какъ-бы внѣ сферы его вліянія.

Это особенно рѣзко бросается въ глаза въ наше время, когда нѣтъ разнообразія жизни, и слишкомъ разнообразны развлеченія людей. Именно въ сферѣ развлеченій человѣкъ до смѣшнаго консервативенъ, бѣденъ фантазіей и какъ-бы не поддается времени и его движенію.

Не такъ давно у насъ въ отдѣлѣ смѣси сообщалось объ ужасномъ развлеченіи высшихъ классовъ Лондона — леди и джентльмены смотрятъ, какъ на веревкѣ, болтающейся въ воздухѣ саженъ на десять отъ земли виситъ человѣкъ, рискуя каждый данный моментъ сорваться съ веревки и разбиться о землю. Это развлеченіе со всѣмъ не ново — еще императоръ Домиціанъ практиковалъ его съ плѣнными батавами и съ удовольствіемъ смотрѣлъ, какъ утомленный варваръ выпускалъ изъ отекшихъ рукъ веревку и летѣлъ внизъ на копьѣ, воткнутой въ землю.

Парижскій „Кабачекъ смерти“ тоже, оказывается, не можетъ претендовать на оригинальность; точь-въ-точь такая-же бравада надъ смертью имѣла мѣсто въ одномъ изъ лупанаріевъ Рима во времена Клавдія, и почти то-же самое показывалось въ Толедо, въ царствованіе Филиппа Красиваго.

Въ прошломъ году, претендуя на оригинальность, Флоренція устроила у себя „праздникъ смерти“. По улицамъ города двигалась колесница, запряженная скелетами быковъ*) На ней возсѣдала въ черномъ бархатѣ, съ серебряными блестками смерть съ косою въ рукѣ. За колесницей ѣхали скелеты людей верхомъ на скелетахъ лошадей, шли трупы полуразложившіеся и еще свѣжіе. Надъ этой процессіей носился запахъ гніенія. На перекресткахъ, по пути ея, раскрывались могилы, изъ нихъ выходили трупы, пѣли заупо-

*) На быкахъ были надѣты папоны съ рисункомъ скелета.

разнообразныя полотна — акъ нимъ, гдѣ-нибудь съ боку, приткните „Схватку“ Васнецова — и повѣрте, публика предпочтетъ послѣднюю всѣмъ шедеврамъ вокругъ нея.

Она любитъ кровь, — она всегда любила смотрѣть, какъ травили людей звѣрями, какъ ихъ избивали, жгли, сдирали съ живыхъ кожу и мучили всѣми муками. Она и теперь съ удовольствіемъ посмотрѣла бы на все это — пиджакъ и брюки, смѣшивъ хламиду и тунику, не перевоспитали человѣческой души. Но вѣкъ XIX-й — вѣкъ лицемерный, вѣкъ изощренной лжи и всяческаго притворства — и травля людей звѣрями нынѣ публично невозможна. Это можно устроить только частнымъ образомъ, гдѣ-нибудь въ глухомъ партерѣ. Травля людей запрещена, но любовь къ этому рода забавѣ еще осталась у публики, принявъ нѣсколько иныя формы въ видѣ, на примѣръ, представленія укротителей звѣрей. Въ данное время въ циркѣ Никитиныхъ ежедневно выступаетъ въ роли укротительницы красивая и отчаянно смѣлая m lle Маргарита, — фигура, точно ушедшая съ картины Дорэ „Красота, побѣждающая силу“. Она продѣлываетъ съ четырьмя львами рядъ отчаянныхъ эволюцій включительно до вкладыванія въ пасть льва своей головы. Громадныя мощныя звѣри слушаются ея хлыста, но достаточно одного движенія челюстей льва и на мѣстѣ красивой женщины ляжетъ трупъ съ разможенной головой. Потомъ она, совершенно безоружная, танцуетъ среди львовъ серпантинъ — это очень пикантно и щечочетъ нервы публики до изступленія. Нужно видѣть цирковую публику въ моментъ, когда артистка кладетъ свою голову въ могучую пасть царя звѣрей, публика замираетъ, молчитъ, не дышетъ, ждетъ... Каждую секунду можетъ брызнуть на нее кровь и позгъ женщины, и раздастся трескъ черепа, разламываемаго зубами звѣря. Какое ощущеніе!

Положимъ, львы Маргариты очень смиренны и тощи, но все-же это львы, и съ ними опасно шутить. А публикѣ нравятся эти шутки, ей пріятно видѣть, какъ за ея двугривенный человѣкъ рискуетъ жизнью.

Глядя на нее — вспоминаются слова знаменитаго укротителя звѣрей, итальянца Упилю Файмали, жившаго въ XVIII вѣкѣ и оставившаго послѣ себя интересные мемуары. Онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ мемуаровъ:

— Звѣри совсѣмъ не дрессированные, — публика не особенно слаговолитъ къ звѣрямъ, если они дрессированы хорошо и слушаются укротителя безъ глѣва, публикѣ нравится рискъ и чѣмъ его больше, тѣмъ ей пріятнѣе, она любитъ возможность драмы, и ей нѣтъ никакого дѣла до тѣхъ усій человѣка, которыя онъ употребилъ на побѣду инстинкта тигровъ и львовъ“.

Какъ видите Файмали хорошо зналъ публику. Кстати о циркѣ. Возникшій ранѣе театра, онъ и до нашихъ дней продолжаетъ существовать въ тѣхъ-же формахъ, въ какихъ существовалъ въ древнемъ Римѣ и — по свидѣтельству венеціанца Марко Поло, путешественника XV вѣка — въ Китаѣ.

Тѣ-же наѣзники, жонглеры, эквилибристы, акробаты, которыхъ персидскій сатрапъ Гнозій любилъ сбивать съ трапціи, бросая въ нихъ дротиками — подвизаются на аренахъ цирковъ и въ наши дни, уазывая на медленность эволюціи, эстетики и морали въ массѣ, въ публикѣ. Посмотрите, на примѣръ, у Никитиныхъ на упражненія артиста Степанова. Онъ строитъ пятиаженную башню и виѣстѣ съ ней падаетъ въ землю, рискуя переломить себѣ позвонки о барьеръ арены. Публика хлопаетъ ему, хотя эти упражненія некрасивы, тяжелы, опасны. Хлопаютъ именно за опасность — падаетъ человѣкъ съ такой высоты и... и навѣрное въ скоромъ времени свернетъ себѣ шею.

Я двадцать лѣтъ наблюдаю циркъ и его публику и въ этомъ году вижу то-же самое, что видѣлъ двадцать лѣтъ назадъ. Та-же самая жадная до опасностей публика, съ трепетомъ наслажденія слѣдящая, какъ человѣкъ ради ея одобренія и пятакъ изломалъ себѣ кости и растянулъ сухожилія.

Артисты знаютъ ея вкусы и все болѣе изощряются въ придумываніи новыхъ деталей къ старымъ упражненіямъ. Уже не только укрощаютъ звѣрей, а пляшутъ среди нихъ, уже не только влѣзаютъ на трапеціи, а ставятъ лѣстницу перпендикулярно и балансируя ее своимъ тѣломъ, взбираются на ея верхнюю ступень и тамъ жонглируютъ и иг-

койные псалмы и снова опрокидывались въ могилы или присоединялись къ колесницѣ смерти и съ унылымъ пѣніемъ шли за ней.

Флоренція осталась довольна этимъ зрѣлищемъ и постановила выдать устроившему его художнику Піетро ди Козимо 30,000 лиръ. Не стоило, ибо идея эта не нова. Такое зрѣлище показывалъ уже польскій магнатъ Казиміръ Рохъ Замой Генриху Анжу— французскому принцу, и еще много раньше, въ XI вѣкѣ рыцари ордена Госпиталя устроили такое-же шествіе вокругъ стѣнъ одного изъ городовъ іерусалимскаго королевства...

Какъ-бы не оригинальничалъ человекъ— увы!—ему, должно быть, не суждено еще обновить свои развлечения и всѣми своими попытками создать въ этой сферѣ что-либо новое—онъ только свидѣтельствуетъ о пониженіи вкуса къ изящному, объ оскудѣніи фантазіи и еще о чемъ-то болѣзненномъ и мрачномъ, о чемъ-то мистическомъ и жестокомъ, заразившемъ его, и все болѣе заражающемъ.

Древніе тоже страдали этой болѣзью, но она не подавляла въ нихъ чувства изящнаго, и Нерону, душившему своихъ гостей цвѣтами, вы не откажете въ этомъ чувствѣ, какъ нельзя отказать въ немъ и Борджіямъ, устраивавшимъ свои развратныя и кровавыя обѣды съ шикомъ и со вкусомъ. Нынѣ грубое осталось, принявъ еще болѣе грубыя формы, а изящное исчезло. Вспомните американскія пьесы, въ которыхъ злодѣй привязываетъ своего добродѣтельнаго врача къ лѣсопильному станку, откуда его освобождаютъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда настоящая стальная пила готова разрѣзать его тѣло. Вспомните о борьбѣ—спортѣ, такъ развившемся въ наши дни и не представляющемъ изъ себя ничего красиваго, а лишь одно грубо-животное; вспомните о людяхъ, на головахъ которыхъ разбиваются молотомъ камни, о людяхъ гуляющихъ босыми ногами по остіямъ гвоздей, о глотающихъ горящую паклю, зонтики и шпаги, о людяхъ, кушающихъ резиновыя калоши и запивающихъ ихъ пылающимъ керосиномъ и о массѣ другой грубѣйшей чепухи, служащей любимымъ развлеченіемъ массъ.

Во всемъ этомъ незамѣтно никакой эволюціи къ лучшему, всему этому испоконъ вѣка аплодируютъ и все это отъ сѣдой стараны и до нашего времени не измѣняетъ своихъ уродливыхъ формъ. Консерватизмъ эстетическаго вкуса массы амѣтенъ всего яснѣе на томъ фактѣ, что батальная картина, какъ бы она ни была грубо написана, всегда привлечетъ вниманіе массы болѣе, чѣмъ всякая другая. Поставьте для опыта пейзажъ Клода Бернара, мое Айвазовскаго, мистическую картину Ге, портретъ Рубенса, и Ванъ-Дейка, Семирадскаго и еще полотна другихъ обще-признанныхъ талантовъ, самыя разнообразныя полотна—какъ нимъ, гдѣ-нибудь съ боку, приткните „Схватку“ Васнецова—и повѣрте, публика предпочтетъ послѣднюю всѣмъ шедеврамъ вокругъ нея.

Она любитъ кровь,—она всегда любила смотреть, какъ травили людей звѣрями, какъ ихъ избивали, жгли, сдирали съ живыхъ кожу и мучили всѣми муками. Она и теперь съ удовольствіемъ посмотрѣла бы на все это—пиджакъ и брюки, сибивъ хламиду и тунику, не перевоспитали человѣческой души. Но вѣкъ XIX-й—вѣкъ лицемерный, вѣкъ изощренной лжи и всяческаго притворства—и травля людей звѣрями нынѣ публично невозможна. Это можно устроить только частнымъ образомъ, гдѣ-нибудь въ глухомъ парке.

Травля людей запрещена, но любовь къ этому роду забавъ еще осталась у публики, принявъ нѣсколько иныхъ формы въ видѣ, напимѣръ, представленія укротителей звѣрей. Въ данное время въ циркѣ Никитиныхъ ежедневно выступаетъ въ роли укротительницы красивая и отчаянно смѣлая m Це Маргарита,—фигура, точно ушедшая съ картины Дорэ „Красота, побѣждающая силу“. Она продѣлываетъ съ четырьмя львами рядъ отчаянныхъ эволюцій включительно до вкладыванія въ пасть льва своей головы. Громадные мощные звѣри слушаются ея хлыста, но достаточно одного движенія челюстей льва и на мѣстѣ красивой женщины ляжетъ трупъ съ разможенной головой. Потомъ она, совершенно безоружная, танцуетъ среди львъ серпантинъ—это очень пикантно и щечетъ нервы публики до изступленія. Нужно видѣть цирковую публику въ моментъ, когда артистка

рають. Малѣйшее невѣрное движеніе корпуса и лѣстница съ артистомъ грохнется на землю, артистъ „отшибетъ себѣ печенки“; въ сладкомъ ужасѣ публика вскрикнетъ и... на другой день снова пойдетъ въ циркъ. Можетъ быть, и въ этотъ вечеръ кто-нибудь разобьется: не нужно упускать случая посмотреть на такую любопытную вещь.

Да, публика замѣчательно консервативна въ своихъ вкусахъ, и свидѣтельство въ пользу этого болѣе чѣмъ много даетъ жизнь.

Развлеченій разумныхъ, поучающихъ, воспитывающихъ умъ и душу—нѣтъ. А они могли-бы быть. Но на нихъ нѣтъ спроса и ихъ не предлагаютъ. И народной аудиторіей служить циркъ, развивающій въ публикѣ туподушіе и черствость—качества, совершенно не требующія дальнѣйшаго развитія въ виду ихъ полной законченности.

М. Г.—ій.

ПОСЛѢДНІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Изъ внутренней жизни.

Харьковъ. (*Ходатайство земства объ увеличеніи источниковъ доходности*). Во исполненіе постановленія губернскаго собранія, губернская управа вошла съ представленіемъ къ г. губернатору, прося его поддержать передъ высшимъ правительствомъ слѣдующія ходатайства съ цѣлью увеличенія земскихъ доходовъ въ губерніи: 1) чтобы при предстоящемъ пересмотрѣ законоположеній о государственномъ промысловомъ налогѣ общая сумма поступленій въ кассы земствъ губерній изъ предметовъ отчислений съ торгосыхъ документовъ ни въ какомъ случаѣ не была понижена, а, наоборотъ, при возрастаніи доходовъ казны она увеличивалась бы соразмѣрно съ этимъ возрастаніемъ; 2) чтобы получаемый нынѣ земствами сборъ съ патентной торговли не понизился бы при введеніи казенной продажи вина, ни прямо—вслѣдствіе прекращенія взиманія патентнаго сбора, ни косвенно—по случаю уменьшенія выборки свидѣтельствъ приказчицкихъ и гильдейскихъ; 3) въ виду особаго географическаго положенія губерніи, вынуждающаго земство, помимо выполненія смѣтныхъ своихъ расходовъ, производить также и огромныя затраты общегосударственнаго значенія на борьбу съ эпидеміями и эпизоотіями, удѣлить земству 5% изъ поступающихъ въ доходъ казны по губерніи неокладныхъ сборовъ, патентнаго, табачнаго, сахарнаго, спичечнаго и нефтянаго, и 4) понизить по губерніи государственный поземельный налогъ въ той мѣрѣ, какъ онъ будетъ признанъ казною возможнымъ. (*Южн. Край*).

Симферополь. (*О рабочихъ на ютѣ*). *Крым. Вѣстн.* отмѣчаетъ тотъ фактъ, что въ текущемъ году совершенно не слышно на югѣ жалобъ на „жалобы“ рабочихъ у землевладѣльцевъ. Эти „жалобы“ въ послѣднее годы повторялись такъ часто, что нерѣдко раздавались голоса, будто невозможно далѣе вести хозяйство. Противъ этого принимались всевозможныя мѣры, но результаты были незначительны: рабочіе забирали задатки и въ самую нужную, горячую пору полевыхъ работъ уходили. Измѣнился способъ веденія хозяйства—шире стало примѣненіе машиннаго труда, и теперь, говорить газета, „рабочіе сдѣльные, десятками приходившіе исключительно на уборку травы и хлѣба, теперь у насъ, въ Таврической губерніи, вовсе не находятъ дѣла. Рабочіе срочовые и годовые, которыхъ прежде, особенно въ хорошіе годы, такъ соблазнительно привлекало къ себѣ землевладѣльцы, срочовое мѣсто, имъ остается только одна сомнительная перспектива—искать другое такое же—дорожать полученнымъ мѣстомъ. Машиннаго воцарилась безраздѣльно, и она сдѣлала то, что уже третій годъ плата срочовому рабочему за сезонъ отъ веснянаго Николая до Покрова почти не колеблется, а остается въ однѣхъ и тѣхъ же рамкахъ, независимо отъ качества урожая. (*Нов. Тел.*)

Изъ обывательской жизни.

(ФЕЛЬЕТОНЪ).

Вчера я бесѣдовалъ съ вами объ оскорбленномъ кievскомъ поэтѣ г. Данилѣ Коломійцевѣ, который „изъявлялъ согласіе“ получить пятьдесятъ руб. за свой обширный выпотѣнный, такъ сказать, трудъ съ *Русск. Вѣд.*, но былъ безжалостно платя-